

никто не приходилъ къ «крѣпкой пристани» религіи и не исповѣдовалъ Духа-Любовь. «Мнѣ самому одному надо жить, самому одному и умереть». Онъ ничего не бралъ завѣщаннаго, ничему не могъ повѣрить, ничего не могъ принять, какъ освѣщенное чѣмъ-либо свидѣтельствомъ о достовѣрности. Невѣрный Тома былъ силенъ въ Толстомъ и не могъ не приложить перстовъ своего разумѣнія ко всему, что представало сознанію. Матеріаломъ познанія могъ для него служить лишь его личный жизненный опытъ, и до тѣхъ поръ, пока его мысль не вырвала изъ хаоса его чувствъ идею о возможности жить только въ религіи духа и не выставила ее какъ аргументъ внутренней непосредственной достовѣрности этой религіи, до тѣхъ поръ ничьи исповѣданія, ничьи молитвы, никакія метафизическія и мистическія ученія и никакія бесѣды со старцами и монахами ничему помочь не могли. Онъ могъ принять только свое и не отъ разума, а отъ внутренняго чувства.

И точкой его утвержденія было чистое мистическое исповѣданіе вѣры, которую «умомъ не обнять», не осознать, но которая вторгалась въ его внѣшнюю дѣйствительность и давала себя знать могучимъ возрождающимъ чувствомъ жизни, а также воздѣйствіемъ на человѣческую душу особой стихіи